

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ АЛЛЫ САПОЖНИКОВОЙ

“Я научила женщин говорить...”

Анна Ахматова

Какие бы перемены ни препевал мир, как бы ни стремилась женщина к вершинам эмансипации, она навсегда пригвождена к единственной своей сути: быть матерью и хранительницей семейного очага. Как упоительно быть в окружении любви близких и родных тебе людей, служить им, творя собой мир и покой в доме! А что делать, если ты в своей женской сути не можешь уместиться со странными для сторонних людей проявлениями неведомо откуда снизошедшего на тебя, женщину, Дара, именуемого Талантом? Бог ставит эту отметину на угодных ему великих мучениках, не разбирая, какого они пола. Он словно выверяет ими силу человеческого духа и его возможности нести этот Дар сквозь тернии житейского хаоса.

Талант всегда загадка. Талант всегда заковыка, а стало быть, как неопознанный объект,стораживает и манит. Зачем я пишу это? Откуда возникли эти мысли, как после стихов Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Беллы Ахмадулиной... Перечень женских имен в литературе и искусстве можно продолжать и продолжать, но именно эти три имени ассоциативно возникли в голове, когда я окунулась в мир творчества Аллы Сапожниковой.

Тот же излом на “быть или не быть”, та же испуганная открытость миру чувственной души и та же “загнанность в любовь” курсивом проходят через все ее работы. Это наполняет их неким внутренним движением временного пространства. Они живут реальной жизнью, в которой много событий, радостей, печалей и человеческих страстей. Жизнь мозаична и бесконечна — такова она на картинах Аллы Сапожниковой.

...Женская туфелька, еще теплая от ножки ее хозяйки, а вот и она сама, изящно изогнувшись, ловит брошенный к ее ногам букет белых роз... Трогательная фигурка бабушки, над головой которой — цветущее красное дерево, как памятник ей и воспоминание о безмятежной поре детства... Уносятся в бесконечность пространства легкие экипажи и всадники в динамике четкой графики и золотом надпись “ЛЯ ШАНС” — “СЧАСТЬЕ”... Глаза старца Моисея, вобравшие в себя всю трагедию и боль Исхода... Флейта, кобура пистолета, ключи, кукла, старинные часы... Их много, этих одухотворенных образов и предметов, они вовлекают зрителей в свой круг затей, будоражат память и сердце. И художник как бы скрепляет гармонию их бытия золотым сечением летящего круга — это именная печать радости творчества и своего в нем предназначения.

Алла Сапожникова родилась в Москве. Закончила Московское художественное училище Памяти 1905 года, потом сама учила музыкально одаренных детей основам

живописи и художников-иллюстраторов — графике, совершенствовалась сама, наблюдая жизнь. Сотни сотен рисунков, горы холстов, пока не были найдены свое направление, свой стиль, собственное видение и решение тем. Волны перемен в России подхватили ее и унесли в другой мир: Париж — Мекку художников, артистов и музыкантов. О, Париж! Она оказалась на одной из его улиц со своими красками, рулонами полотен почти без средств к существованию. Позже все встало на свои места. Она обрела свое независимое пространство в огромном пятиэтажном особняке одного из самых дорогих и престижных центральных кварталов города. Среди антикварной мебели XVII века и отражающихся хрустальных люстр в зеркалах полов она погрузилась в творчество. Писала много, неистово, одну работу за другой, словно кем-то подгоняемая, полностью отключив себя от внешнего мира.

Она создала огромнейшую серию, около пятисот полотен

и

графических работ на тему “Русские и советские праздники”, часть из которых была использована во впечатляющем оформлении офиса компании “Кремлевская водка” в Нью-Йорке на Ректор стрит у Геннадия Дозорцева.

Алла начала свою поэтически лирическую библейскую тему, в которой соединились образы прошлого с современностью. Эпиграфические тексты на иврите, русском, французском языках, традиционные реликвии и цветы погружались в вихрь образов великих и простых людей. Она написала серию графических работ “Виды Парижа и парижане”, “Обнаженные” (Голубой период), десятки натюрмортов, украсивших дома многих парижан. Оригиналы ее работ приобрели несколько музеев.

ки ис-

куства считали ее лучшей среди современников. В день открытия первой персональной выставки почти все ее работы были раскуплены. Потом было более 35 художественных выставок в галереях Франции и Европы. Дипломы, премии, признание почитателей, но главная победа — на Международном конкурсе имени Немана Музея Еврейского искусства Парижа. Тогда же она оформила три книги французской писательницы и уникального человека Франки Оппенгейм. Они стали близкими друзьями, и Франка напишет и издаст замечательную новеллу “Алла мон пэнтр бьен-эмэ” (“Алла — мой любимый художник”).

Пришел успех и осознание своего таланта. Казалось, что она добилась много, но она мечтала попасть в Нью-Йорк, он манил ее.

Здесь пришлось начать все сначала, и ее жизнь и мысли поглотила работа над новыми картинами. Она живет в Бруклине второй год, но имя Аллы уже на слуху владельцев галерей и ценителей искусства.

...Я сижу у Аллы в гостях. Студия, где она работает, заставлена рамами, холстами, коробками с красками... Как я обожаю мастерские художников, с их полными таинства запахами и начатыми холстами!

...Вот она берет в руки фломастер, и на обычном листе бумаги возникает сюжет, и все в нем, от жеста женщины с чашкой чая до крышечки сахарницы на столе, оживает. Я смотрю на нее и не перестаю удивляться, как в этой изящной красивой женщине с очень по-домашнему скроенной душой уживается беспокойство таланта.

— Как это у тебя получается? — спрашиваю я.

— Не знаю. Когда пишу картину, я не задаюсь целью ее одушевить. Я просто разговариваю с теми предметами и образами, которые рисую. Мысленно, конечно. Это какой-то духовный контакт, проникновение в глубинный внутренний мир. Я верю, что можно ощутить присутствие человека, который уже ушел из жизни, если сильно сконцентрироваться на этой личности. Так было с картиной “Фанечка”, за которую я получила премию Международного конкурса молодых художников в Музее Еврейского искусства. Я рисовала портрет женщины, она была матерью моих друзей и умерла за три года до моего приезда в Париж. Я пересмотрела горы ее фотографий, она была на них изящной и очень красивой. Маленькая блондинка, настоящая парижская кокетка, которая очень любила потягивать коктейль, сидя на открытой террасе кафе

«Де ля Пэ» перед Гранд Опера. Она была дочерью состоятельного продавца антиквариата и женой владельца известной галереи XVIII-XVIII веков. Фанечка была веселой и легкой в общении. Родители ее были выходцами из России, по-французски ее звали Фанни, и я назвала картину «Фанечка».

Сюжет — это как крючок удочки или вязальной спицы, или веретено старой, допотопной прялки. Какую вытнешь рыбу, свяжешь волшебную кофточку, какую ткань повествования ты сможешь спрятать — зависит только от твоей силы и страстности.

Когда у Владимира Высоцкого спросили, какое качество человека он больше всего ценит, он ответил: «Одержимость». Остальное зависит от твоей воли, умения, от того, насколько сильны были твои учителя и наставники. От поддержки близких тебе людей и их способности взять твоё направление и быть терпимым к тебе в моменты, когда срываешься и с оглушительным треском и грохотом падаешь вниз. Помните песни Высоцкого в фильме «Вертикаль»? А его песню о канатоходце? В Париже, Москве и Нью-Йорке у меня хватало таких ситуаций, когда казалось, что осталось поддуйма, один волосок до полного краха, и в самый последний момент невидимая сила подхватывала меня и подтягивала на резинке к самому верху. Как игрушку «Ю-Ю».

Я счастлива делать выбор и быть ответственной за него. Я пригубила чашу отчаянного риска и радости победы.

Так вот, возвращаясь к Фанечке. Я вспомнила песню «Окурочек», где есть история о том, как неизвестный зек находит «окурочек с красной помадой», который становится для него дорожкой «тыщи рублей» и всей его жизни в зоне. Это был ключ для меня. Помните, у Булгакова в «Мастере и Маргарите»? Мастер уже знал, что его роман будет закончен фразой: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей, кавалерийской походкой...» Я сама не курю и даже не переносю сигаретного дыма... А тут я взяла любимые Фанечкой сигареты, ее серебряную пепельницу на длинной подставке, села в старое кресло, на обивке которого сохранились прожженные дырочки от случайно упавших искр с Фанечкиных сигарет. Я покрасила губы яркой помадой, раскурила сигарету... Дым потянуло плавно раскручивающимися кольцами к потолку...

Картина получалась очень легко, я даже не заметила, что наступил поздний час. Почти готовый портрет женщины с котенком-леопардом в руках я сняла с мольберта, оставила к стене и, случайно задев банки с лаком и разбавителем, разлила их, тюбики с краской посыпались на пол, палитра перевернулась. Думаю, со стороны это выглядело очень комично... и вдруг, бросив случайный взгляд на картину, я остолбенела — Фанечка смеялась. Ее глаза лучились и улыбка искрилась, как от смешинки во рту.

Через несколько дней мой сын, возвратясь с каникул, вошел

в мастерскую и воскликнул с удивлением: «Мама, она (указывая на портрет Фанни) на меня смотрит!» Устами ребенка глаголет...

— Алла, то, о чем ты говорила: слияние души художника с тем, что он пишет, это и есть состояние вдохновения?

— Вдохновение плюс способность реализоваться. Момент бессознательного духовного взлета. Это божественный момент, когда полностью отвергаешь себя и как бы уходишь в другое измерение жизни. В этот момент можешь даже забыть свое имя из реального мира. Не должен звонить телефон, никто не должен отвлекать, любое присутствие постороннего человека воспринимается как вражеский выпад.

— Как женщина-художник может совмещать такое состояние с заботой о семье? Возможен ли здесь компромисс и до какой степени ты оставишь одно и предпочтешь другое?

— Это каждый для себя решает сам. Советы друзей и родных — холостой выстрел. Тебе могут помочь натянуть холст на подрамники, сбить рамы или довести работы до выставочной галереи и развесить их. Но в своей работе ты один. И, как было замечательно сказано в романе о Микельанджело «Муки и радости»: «Работе ты отдаешь себя до конца, и только время покажет, до какой степени ты честен».

— В твоих работах много женских образов. Это не случайно?

— Мне они близки, потому что я сама женщина и мать. Я всегда стараюсь писать те образы и тех женщин, которые мне близки по сути. Женщина — она как Феникс, способна возрождаться после любых потрясений и с новой силой любить. Она — созидательница изначально, по своей природе очень органична. Я сама многому научилась у своей бабушки, которая обладала невероятной силой духа и жизнелюбием, была строга к себе.

Вообще, мне в жизни всегда везет на встречи с умными и талантливыми женщинами. Моя первая учительница, благодаря которой я стала тем, кто я есть, — известная художница театра и кино Маргарита Мукасева — дала мне веру в себя. Она всегда говорила, что я — самая талантливая среди всех ее учеников. В Париже — Франсуаза Оппенгейм, о которой я говорила, дала мне много уроков жизни и на многое вдохновляла меня. Мне интересны разные судьбы женщин. А вот символом женственности и шарма этой эпохи я считаю Мэрилин

Монро. Ее образ я использовала в картинах «Женская свобода», «Вечный всадник», «Вечерний пейзаж Тайм-сквера». Мужчины также присутствуют в моих картинах. Например, в «Женщине-Сфинксе», «Сотворении Адама». У меня есть серия картин «Одесские бандиты», дитя «Игры для мальчиков», композиция «Вечер

— Я воспринимаю его как очень сильную личность с открытой и доброй душой. Мне нравятся американцы, они в большинстве своем очень радушны, по-детски эмоциональны. Обожаю Брайтон-Бич и не стесняюсь всем об этом говорить. Я чувствую там Одессу, город, который безумно люблю и который дал миру много талантли-

крестоносца»... Так что я не оставляю без внимания сильную половину человечества. Все эти и другие мои работы можно посмотреть в галерее Саши Герзона, которая на 1220 Сорф эвеню Бруклина.

— Я знаю, что ты уже написала серию картин о Нью-Йорке. Как ты воспринимаешь его, не кажется этот город после Парижа бездуховным?

В Париже такого Брайтона, места, где можно в общении отвести душу, нет. Там мне не хватало присущей только нашим людям открытости и простоты. Я мечтала жить в этом городе и счастлива, что здесь нашла единомышленников и чувствую движение в творчестве.

ЛАРИСА УТЯШЕВА,
Нью-Йорк